

Ф И Л О С О Ф И Я

В.Кондратович

ХРИСТИАНСКИЙ ДЗЭН

/главы из книги/

ВЕЛИЧИЕ И СВЯТОСТЬ

Казалось бы, само слово "культура" имеет в своей основе слово "культ". Но постепенно эти понятия настолько разошлись, что в настоящее время можно говорить об альтернативе, стоящей перед современным человеком: либо культурность, либо религиозность. Очевидно, что мы пришли к парадоксальной ситуации: как для современного культурного человека не существует святых, так для религиозного не должно существовать т.н. "великих". Одно исключает другое.

Трагический разрыв между светским и религиозным, характерный для западной цивилизации Нового времени, к сожалению, захватил и Россию. В России, фактически, не было ни одного подлинно религиозного, православного поэта (за исключением, может быть, Достоевского), которого теперь считали бы великим. И... что гораздо печальней, не было ни одного великого, которого бы современная церковь решилась причислить к лику святых. Тогда как на Востоке, например, в суфизме, многие поэты были причислены к святым, что не мешает их считать великими и гениальными...

Может быть, разрыв между светским ("мирским") и Божеским неизбежен в рамках христианского общества, ведь "Царствие Мое не от мира сего". Но нельзя не видеть, что нынешнее положение ведет, с одной стороны, к страшному отчуждению церкви от человека. Понятие о святости фактически утрачивается. Святость становится чем-то безжизненным, нереальным, относящимся к какому-то далекому мифическому прошлому... С другой стороны, великими теперь называют Маркса, Ницше, Гегеля и Конфуция, Дарвина и Платона, Достоевского и Толстого... То есть, в сущности, само слово "великий" превращается в пустой звук.

Верующий человек смотрит на мир сквозь призму Божественного восприятия, как бы глазами Бога. Когда есть Божья память, каждое мгновение человеческой жизни осмысленно и не уходит безвозвратно, поэтому нет существенной разницы между тем, что стало известно людям, и тем, что осталось никому неизвестным. Поэтому верующему совсем не обязательно заботиться об увековечивании себя в каких-то музеях. Более того, чем дальше человек от суеты этого мира, от человеческого признания, тем глубже он осознает свое индивидуальное бытие, тем ближе он к Богу. Христос

никогда не учил любить "великих". Напротив, Он настаивал на относительности всех человеческих оценок: "Много есть первых, что будут последними...". Христос учил любить своих ближних, то есть, в сущности, тех, кто случайно встретился на твоём пути.

Современный же человек просто помешан на "интересных" людях, совершенно не замечая того, кто рядом с ним. Почти вся советская литература посвящена жизни "замечательных" людей: академиков, артистов, художников, руководителей... И те слабые проблески иного понимания человека, которые можно встретить у Шукшина или Высоцкого, скорее исключение из общего правила. Это тем более странно, что мы, вроде бы, живём в демократическую эпоху.

Основной пафос современности — это пафос защиты культурных ценностей. С точки зрения современного человека все нужно издавать, все нужно сохранять. Современный интеллигент продолжает ратовать за любимую им во все времена свободу (похоже, его не совсем устраивают даже результаты последних революций). Но что такое свобода? По справедливому замечанию Розанова, "это пустота какая-то".

Представим себе хоть на мгновение, что Пушкин написал оду "Вольность", а царь вызвал его к себе и говорит: "Молодец, Александр Сергеевич, здорово ты срифмовал!" — Абсурд! Но похоже, что именно за такую свободу ратует современный человек. Если прислушаться к тому, что обычно говорится, то складывается впечатление, что для полного счастья советскому интеллигенту не хватает только западных фильмов. Ещё бы, ведь он пришёл в мир созерцать прекрасное и "балдеть"! Похоже, он совсем забыл, что духовное во все времена было чем-то своим, выстраданным, не говоря уж о таком старомодном понятии, как и с к у п л е н и е.

Вряд ли кто-нибудь теперь понимает, что спецхраны, цензурные ограничения — это то немногое, что ещё свидетельствует о духовных потенциях нации. Так же, как и разрушение церквей — движение куда более здоровое, чем попытки превратить церковь в музей. Язычники разрушали храмы христиан, и христиане разрушали храмы язычников. И сейчас здоровому верующему человеку и в голову бы не пришло: устранить партию, но оставить партийные гимны, потому что они, видите ли, "красиво звучат". Такое представление о красоте, какое-то уродливое поверхностное эстетство не

лезет ни в какие рамки. Лучше отказаться от этой мании величия, от утверждений о том, что русское искусство — одно из самых древних в Европе, чем называть проповедь литературой, а икону — живописью.

Но, к сожалению, мы живем в самой свободной стране, стране музеев. Только у нас и в наше время могла появиться картина, на которой изображается возвращение блудного сына к стоящим друг за другом "деятелям русской культуры": Чехову, Менделееву, Александру Невскому и кому-то еще. Что хотел сказать художник? Что общего между этими людьми? — Не знаю! Или, может быть, Пушкин никогда не пил вина?! И только в советском фильме можно видеть, как учитель собрал вокруг себя детей и тычет пальцем в репродукцию "Монны Лизы" Леонардо да Винчи, утверждая, что все лучшие (?) люди человечества размышляли над загадочностью ее улыбки и восхищались ею. Ему и в голову не придет, что, может быть, это всего лишь улыбка нераскаявшейся шлюхи (как считал, например, флорентинский).

Современный человек настолько ослеплен "величием" "великих", что уже ничего не видит. И самое печальное, что не только в искусстве... Не только религиозность, но и любое более или менее глубокое духовное движение современности (будь то маоизм или правый экстремизм) вызывает у культурного человека только раздражение. "Культурность" парадоксальным образом начинает противопоставлять себя всему духовному. Но не стоит особенно удивляться, ибо "культурность" на современном языке и означает нечто иное, как полную и абсолютную бездуховность. В тотальном безумии современной цивилизации она являет собой самую навязчивую и распространенную манию. В самом деле, если человек способен поставить в один ряд Достоевского и Салтыкова-Щедрина, Константина Леонтьева и Добролюбова, Киркегора и Гегеля... только потому, что они "выдающиеся" и "великие", то такой человек, очевидно, не совсем здоров. Несмотря на весь пафос культурных людей, направленный на защиту культурных ценностей, "уважение к минувшему", такое неразличающее (б е з р а з л и ч н о е) отношение к духовному наследию, неспособность отличить свое от чужого, сами являются проявлением крайнего отчуждения от этого прошлого. Отчуждения, погружающего современного человека в беспросветный мрак безумия, которому не видно конца. Все-таки, великий — это не то же самое, что святой!...

(КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ И НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ФЕДОРОВ)

На закате девятнадцатого века в России появился странный человек, "загадочный старик". Служил библиотекарем. Добрый, отзывчивый, скромный, тихий... Всем своим обликом и праведной, правильной жизнью он многим напоминал святого. Это был Николай Федорович Федоров, автор учения, о котором Владимир Соловьев сказал, что "со времен Иисуса Христа в лице Федорова человечество сделало первый заслуживающий внимания шаг". Об этом учении было высказано уже достаточно много суждений, но с учетом определенного опыта мне хотелось бы высказать еще одно мнение о том, что же это за "заслуживающий внимания шаг", и в какую сторону он был сделан.

В учении Федорова есть и рассуждения о соборности, о почитании предков, и скорбь по поводу утраты родственных, братских отношений между людьми... Но главное, на чем основывается эта соборность, от чего должны возродиться утраченные братские отношения между людьми — это "общее дело", которое должно объединить человечество. С точки зрения Федорова, все средства, все достижения человеческой мысли, все должно быть подчинено одной цели — научному человеческому воскрешению умерших предков. В этом смысле он трактует Ветхий и Новый Завет. В связи с чем его часто называют религиозным мыслителем. По-моему, он действительно религиозный мыслитель, но несколько в другом, не совсем обычном смысле.

Если взглянуть на тот путь, который прошло человечество в сторону "прогресса" (особенно в новое время, начиная с Возрождения), то нельзя не заметить, что наука и ученые прошли тернистым путем самоутверждения и теперь играют чуть ли не главную роль в жизни современного общества. У науки есть даже свои символические фигуры, нечто вроде "святых мучеников", которые своим "страданием" отстаивали научное миропонимание (Галилей, Дж. Бруно и т.п.). Но все-таки, это научное движение к истине было стихийным, неоформленным, неопределенным, погруженным в дурную бесконечность какого-то абстрактного прогресса. И только Федоров с чисто русской последовательностью поставил все точки над "и", указав идущим по пути прогресса конечную определенную цель, т.е., в

сущности, придал науке религиозный статус. Ведь каждый человек, верящий в научный прогресс, подчиняющийся его институтам, участвующий в нем, сознательно или бессознательно, признается он себе в этом или нет, но, очевидно, где-то верит и в свое грядущее воскресение научными средствами (вспомним, хотя бы, стихийное обращение Маяковского к ученому: "Воскреси меня!"). Так же и любое медицинское (т.е. научное) исцеление больного врачом при помощи лекарств может рассматриваться как прообраз грядущего научного воскрешения человека, подобно тому, как исцеление страждущего Христом или святым всегда считалось в христианстве прообразом грядущего Божественного воскрешения человека. И в этой последовательности, с которой Федоров сформулировал "символ веры" ученого, сделал все неосознанное осознанным, и заключается основное достоинство, его учения, его своеобразная религиозная глубина. Правда, именно эта последовательность мешает признанию Федоровского учения в среде "умных" деятелей прогресса, привыкших больше рассуждать о каком-то отвлеченном "всеобщем благе" и т.п. абстрактных вещах, и которых подобная последовательность ставит в несколько неловкое, "глупое" положение.

Но на этом достоинства учения Федорова для меня исчерпываются. Ясно, что несмотря на свою очевидную религиозность, Федоров человек другой, не христианской веры, хотя и прибегает для обоснования своего учения к толкованию Нового Завета. Прежде всего бросается в глаза крайне гуманистический пафос его учения (под гуманистическим я понимаю такое мирозерцание, когда в центр мира ставится человек, а не Бог). С этой точки зрения, учение Федорова, как и вроде бы прямо противоположное ему учение Ницше, представляет собой наиболее полное и последовательное выражение духа гуманизма Нового времени. Гуманизм федоровского учения уже не предполагает ни греха, ни соблазна, ни подвига веры, ни аскетики, ни трагизма одиночества и богооставленности.., а только "серьезную исследовательскую работу" специалистов и пассивное ожидание остальных. Нынешняя ситуация "больной-врач" достаточно характерна, ибо уже "не вера спасла тебя", а лекарства, в принципе, доступны каждому. Поэтому поверить в возможность подобного человеческого воскрешения умерших означает для меня полную деградацию и духовную смерть человека, чего только и можно ожидать от неизбежной при этом утрате страха смерти, а

следовательно и Божьего страха. Не случайно лозунг Антихриста "всем дать все", которым так или иначе движима наука, находит в этом учении свое абсолютное воплощение.

Во второй половине прошлого века жил другой русский мыслитель, чей внешний облик, образ жизни и, наконец, взгляды находятся в разительном противоречии с тем, что мы находим у Федорова. Это человек, над именем которого, по словам Розанова, "витают ангел забвения". И по сей день его имя большинству мало известно, или вообще ничего не говорит. Это не случайно: нас отделяет от него роковая черта семнадцатого года. Имя этого человека — Константин Леонтьев.

Если Федоров придает науке законченный религиозный статус, то нет, наверное, более последовательного и непримиримого врага науки, чем Константин Леонтьев. Еще в молодости в письме к одному своему знакомому, находясь, скорее, на эстетских, чем на ортодоксально-церковных, как впоследствии, позициях, Леонтьев презрительно описывает заседания современных ему ученых советов, где все "в серых сюртуках", перечисляет темы диссертаций, посвященных исследованию "нервной системы дождевого червя" и т.п., недоумевает, как всем этим можно всерьез заниматься и, подводя итог, делает вывод, что, пожалуй "пара кирасиров на коных стоят всей этой науки"... Всякий раз, перечитывая это письмо, я поражаюсь его актуальности. И в дальнейшем Константин Леонтьев неоднократно обрушивался на позитивистские идеалы, по разным поводам замечая, что вся наука, в конечном счете, тоже держится на вере, только на вере в прогресс, разум, пользу и прочие неопределенные, а потому непонятные и неприемлемые для него вещи.

Сам облик Леонтьева, образ его жизни никак не вяжутся с внешней, бросающейся в глаза "святостью" Федорова. Говорят, в молодости он постоянно изменял своей жене, подробно рассказывая ей о своих изменах, что, в конце концов, привело ее к безумию... Но именно этот человек кончил свою жизнь в монастыре, исповедуя самую глубокую и искреннюю веру во Христа, и может быть, как никто другой приблизился в своем творчестве к суровому аскетическому духу первых веков христианства. Он был сторонником сильной церковной и монархической власти, смирения, страх Божий ставил прежде любви, говорил о неизбежности и даже необходимости

страданий. Леонтьев отрицал возможность установления гармонии на земле и даже Достоевского критиковал за либерализм, "розовое христианство". Что ж говорить о всеобщем братстве людей под антихристовым лозунгом?! И хотя специальных высказываний в адрес Федорова мне не попадалось, в связи с крайне гуманистическим пафосом федоровского учения, что особенно чувствуется в какой-то чувствительности (до "слезливости") его стиля, любопытно вспомнить фразу, как-то оброненную Леонтьевым, и которая, в свете нашего опыта, звучит теперь как пророчество: "Гуманизм и христианство — это два поезда, которые когда-то вышли из одной точки, но постепенно их пути разошлись настолько, что они неизбежно должны столкнуться."

Революция 1917 года дала нам тот опыт, который позволяет говорить об этих, казалось бы, ни в чем не похожих людях. В то время столкнулись силы, может быть, куда более глубокие, чем те, что руководствовались какими-то внешними лозунгами, выявились противоречия, может быть, куда более вечные, неразрешимые и сильные, чем те, о которых обычно говорят. И, может быть, именно Леонтьев и Федоров были центральными символическими фигурами тех движений, которые оказались в то время "по разные стороны баррикад".

Нельзя не заметить, что все революционеры, от Кропоткина до марксистов, помимо социальных идеалов основывали свое мировоззрение на вере в человеческий разум, науку и прогресс. И если Константин Леонтьев не только идейно перекликается с идеологами белого движения, сражавшегося "за Царя, за Родину, за Веру", но и сам как бы является характерной фигурой этого движения со всеми своими достоинствами и недостатками, то даже в самом примитивном, вульгарно-пропагандистском советском фильме какому-нибудь аристократу обязательно противостоит не большевик или рабочий, а "добрый, хороший, умный" ученый, интеллигент (депутат Балтики и т.п.), носитель "положительных идеалов светлого будущего". У Василия Чекрыгина, художника, находившегося под сильным влиянием федоровских идей, даже были фрески под характерным названием: "Восстание и Вознесение". И наверное, не случайно вся интеллигенция, принявшая революцию не "вульгарно-социологически", а глубоко, всерьез и последовательно, оказалась

под воздействием идей не Маркса, а именно Федорова. Кроме Черныгина можно вспомнить Филонова, Хлебникова, Заболоцкого, Платонова, Циолковского... Все это, может быть, еще и не признанные до конца, но стоящие "по эту сторону баррикад" люди, в своем роде "святые от социализма".

Если бы меня попросили выразить различие между Федоровым и Леонтьевым образно, то я бы сказал, что они отличаются друг от друга примерно так же, как дистиллированная вода — от вина. Тот, кто хоть раз был в православной церкви у причастия, поймет, о чем я говорю. Я не берусь кому-нибудь навязывать свои вкусы, помня слова Киркегора: "Если я попрошу стакан воды, а мне принесут вина, я не буду благодарен". Всему — свое время.

Но несмотря на победу определенных сил, несмотря на то, что признание многих последователей Федорова еще впереди, несмотря на то, что подобных Константину Леонтьеву вроде бы уже нет, и он часто воспринимается только как экзотический представитель навсегда ушедшего прошлого — рост алкоголизма, наркомания, увеличение числа психических заболеваний... говорят мне о том, что далеко не все могут удовлетворить свою "жажду" водой...

ГРЯДУЩЕЕ НИЦШЕАНСТВО

(Несколько замечаний по поводу "Антихристианина" Ф.Ницше)

Я всегда понимал ницшеанство как течение (духовное и политическое), которое, переоценивая все ценности, не принимает современного буржуазного человека, современной цивилизации и культуры, стремится сделать жизнь более суровой и тем самым обогатить отношения между людьми, вернуться к духу древности. Словом, "ницшеанством" обычно называется все антидемократическое, любой аристократизм и индивидуализм. Может быть, имея

довольно слабое представление о самом Ницше, а зная в основном только "ницшеанцев": таких, как Жид, Д'Аннуцио, Шибышевский... — я разделял общее представление и о нем самом. Теперь, прочитав одну из последних книг "Антихристианин", мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что по моему мнению, представляет из себя Ницше, взятый отдельно от того, что обычно называется "ницшеанством". В чем заключается пафос самого Ницше, к переоценке каких ценностей призывает он, то есть все то, что, как я убедился при чтении этой книги, обычно теряется в общем пафосе "ницшеанства".

Первая половина книги еще содержит в себе зерно истины: Ницше критикует христианство, противопоставляя Христа традиционному христианству как символиста, который говорил только о "Царствии Небесном внутри нас", какому-то вульгарному учению о загробном потустороннем мире... Но чем дальше углубляешься в эту книгу, чем больше Ницше проявляет свои положительные идеалы, тем больше проясняется ее основной пафос. И пафос этот не может не вызвать удивления. И дело не столько в сомнительности основной посылки Ницше, что существует только "воля к власти", сколько в том, кому эту власть следует отдать, на чьей стороне симпатии автора. Человек, который претендует на переоценку всех ценностей, отрицает христианское общество как жреческое, не принимает христианские ценности, мученичество, апеллирует к... науке (!?), то есть, в сущности, не идет дальше самого заурядного интеллигента.

Ницше с негодованием пишет: "Всякий христианин — враг науки". Надо сказать, что это замечание во многом справедливо. Действительно, всякий истинный христианин должен был бы быть противником науки. Вспомним хотя бы Константина Леонтьева, которого по странному недоразумению часто называют "русский Ницше". Ведь Константин Леонтьев — не только враг науки, но и ярый поборник столь ненавистного Ницше "жреческого" христианского общества. Кстати, пример Леонтьева лишний раз свидетельствует о неоправданно широком применении слова "ницшеанство", неопределенности того, что следовало бы назвать "ницшеанством" в узком смысле слова, которого, может быть, еще и не было, но которое, очевидно, грядет... Когда же Ницше пишет: "Врач скажет о нем (о христианине — В.К.) — больной, филолог скажет — шар-

латан," — то в этом высказывании уже явственно слышен голос современного человека. Вообще, мне кажется, что не будь имя Ницше окружено ореолом одиозности, что, вероятно, связано с не-померно широким словом "нищезанство", то его книгу можно было бы у нас вполне переиздать. ^{х)} Настолько ее дух соответствует духу нашего современного общества.

Если устранить общие слова о "всем добром и светлом", которые иногда еще звучат с первых страниц советских газет и обратиться к реальным ценностям, которыми живет современный человек, то можно заметить поразительное сходство нашей морали с нищезанской. Это и пошлые замечания об "уважении к тем, кто чего-то добился в этой жизни", и поэтизация в советской литературе и газетах "сильных, волевых" руководителей, и фетишизация "интересных" людей (академиков, ученых, артистов), то есть, все тех же "чего-то добившихся в этой жизни сильных людей". Наконец, абстрактность идеалов красоты, здоровья, силы, невозможность определить, какой конкретный смысл вкладывается в эти слова (что, например, такое здоровье, и у кого оно на самом деле есть?) сближает нищезанский образ мыслей с советским. Все эти абстрактные гуманистические идеалы берут свое начало в близкую и симпатичную для Ницше эпоху Возрождения, что находится в глубоком противоречии с традицией русской религиозной мысли (даже Бердяев называл Возрождение "вырождением"). Однако и советский человек воспитывается в убеждении, что Возрождение — это время расцвета всех искусств и наук, одна из высших точек в развитии человечества. Не случайно такие художники, как Леонардо да Винчи или Микельанджело считаются у нас гениями всех времен и народов. В сущности, наше общество — это Возрождение, доведенное до своего логического конца, абсурда. Но именно общая любовь Ницше и современного советского человека к эпохе Возрождения и делает их близкими по духу. Правда, Ницше,

^{х)} Когда я писал эти заметки, я не предполагал, что мое предположение столь быстро сбудется. Книга Ницше "Антихристианин" вошла в сборник "Сумерки богов", вышедшей в 1989 г. в Москве, и хотя публикация, как и многие ей подобные, носит, скорее, не идейный, а спекулятивный характер, выбор именно этой книги для первой публикации Ницше за последние 70 лет и теперь кажется мне показательным.

в отличии от советского человека, нельзя отказать в последовательности: он принимает эту эпоху целиком, со всеми ее "недостатками", которые часто кажутся ему достоинствами. И такой человек, как Цезарь Борджия, вызывает у него восторг, а не страх и лицемерное, ханжеское осуждение. Этим, собственно, отличается и отличалось (в тридцатые годы) общество, которое принято называть ницшеанским, от нашего.

Естественно, что находясь на "возрожденческих" позициях, Ницше трудно заметить, что ненавистные ему идеи прогресса, социального равенства и справедливости породила именно эта эпоха, эпоха гуманизма Возрождения с ее устремленностью в неопределенную "светлую даль" будущего, а не христианство, как ему кажется. Можно ли из утверждения о том, что "все души равны перед Богом" выводить все современные социальные утопии!? Но именно так Ницше и поступает. Хотя это противоречит и социальной практике христианства (строгая иерархичность средневекового общества), и духу христианства, осуждающего всех борцов за человеческую справедливость в этом мире от Каина до Сальери. Вспомним хотя бы новозаветное предание о предательстве Иуды. Женщина умыла Христу ноги миром и утерла волосами. А Иуда стал сетовать, что драгоценное миро можно было продать и на вырученные деньги накормить нищих. На что Христос ответил, что "нищие всегда с вами, а жених не всегда (это для современного уха звучит даже как-то цинично). И тогда Иуда (вот она современная мораль!) пошел и предал Бога...

Сам тон Нового Завета, каждое слово Христа наполнены волей и такой суровой силой, что складывается впечатление, что те, кто клеветают на Бога, называя Его "слабым" и "женственным", либо не читали Новый Завет, либо читали его "с закрытыми глазами". Каждое слово Христа — это всегда слово Царя!

Тогда как Ницше, несмотря на все претензии на аристократизм, своим нездоровым истерически приподнятым тоном скорее напоминает невзрачного интеллигента. И своим отношением к народу, как к чему-то посредственному, требующему, с его точки зрения, снисхождения, он опять напоминает наших интеллигентов, которые то идут в народ, желая его просвятить (то есть поднять до своего "высокого" уровня), то презрительно отворачиваются от простого человека, как от чего-то недоразвитого,

глупого и грязного (опять же с высоты своей культурности). В сущности, нет никакой разницы: снисходить, просвещать или презирать "простого" человека. В основе лежит одно — отсутствие воображения, неспособность увидеть глубину в ином для себя бытии, интеллигентская ограниченность...

И Аксаковы, принадлежавшие к старинному дворянскому роду, и другие русские славянофилы, и "реакционер" Достоевский, и наконец, сам русский царь безусловно были куда более демократичны в своем отношении к народу, чем революционеры (прошлые и нынешние), которые даже в своих предшественниках—декабристах склонны видеть прежде всего "благородных аристократов", а не революционеров (если судить по современным фильмам и другим произведениям на эту тему). В свое время Розанов остроумно заметил по поводу прогрессивно настроенной интеллигенции, что, несмотря на всю свою любовь к равенству, когда они пишут о Кропоткине или Толстом, они почему-то никогда не забывают упомянуть, что первый был князь, а второй — граф... Подлинный аристократизм никогда не исключал демократизма, но всегда имел мало общего с демагогией и интеллигентским снобизмом.

Я не случайно делаю упор на чертах научности, интеллигентности, которые бросаются в глаза при чтении книги Ницше. Стало уже общим местом говорить о "фаустовской душе" современного человека, приведшей Европу к фашизму. Обычно акцентируется то, что Фауст — это человек, продавший душу Дьяволу. Однако это всего лишь фабула, заимствованная Гете из средневекового предания. И мне, например, непонятно, что означает "дьявол" для таких, в общем-то далеких от религии людей, как Томас Манн и других антифашистов (да и религиозность самого Гете вызывает большие сомнения). По существу, для них это не более, чем многозначительная метафора, олицетворяющая все "темное и злое", то есть пустая абстракция. Поэтому этот антифашистский штамп, несмотря на всю свою видимую многозначительность, по сути, ничего не означает. И тем не менее, мне кажется, можно настаивать на том, что в лице Ницше и его последователей мы видим именно фаустовского человека, то есть, именно тот тип, который и показан в драме Гете. Ницше, как и гетовский Фауст, — всего лишь ученый, профессор, которому наскучило заниматься наукой и он

решил "поразвлечься". Не случайно на страницах его книги несколько раз встречается слово "скука". Но и в новой своей жизни по духу он остается тем же, кем был, то есть ученым, исследователем...

Все издержки фашизма: биологизм, культ здоровья, научные(!) эксперименты над людьми в лагерях — все это издержки фаустовской души, то есть души ученого, интеллигента, а не аристократа. И продал он душу Дьяволу или нет — не так уж важно в пределах этого последовательного, "биологического" атеизма. Мне кажется, что обычное противопоставление "благородного философа" Ницше каким-то "подонкам" фашистам, искажившим его "возвышенные" идеи, вряд ли оправдано. Все, что есть в фашизме неприемлемого, заложено в самом Ницше. Более того, фашизм как политическое и социальное движение, антибуржуазное по духу, во многом шире и благороднее самого Ницше. И обидно за тех, кого по странному недоразумению порой незаслуженно называют ницшеанцами. В сущности, в России ницшеанцем, в узком смысле этого слова, то есть тем, кто наиболее полно воплотил дух и уровень понимания жизни самого Ницше, был, может быть, Арцыбашев. Однако, его туповатый Санин не выдерживает сравнения ни с Печориным, ни со Ставрогинным. Однако, подлинное ницшеанство еще грядет...

Удовлетвориться какой-то пустой метафорой о "человеке, продавшем свою душу дьяволу", в нашем достаточно откровенно атеистическом мире — это значит не извлечь никакого урока из прошлого, отмахнуться от настоящего и закрыть глаза на будущее. Когда-нибудь, когда этим людям, чей голос все громче звучит в наше время и часто определяет нынешнее общественное мнение, наскучит исследовать "нервную систему дождевого червя" и они, оторвавшись от микроскопов, принесут в мир затхлый воздух своих лабораторий, свое представление о морали и благородстве. Пока же мы читаем бесчисленные "безобидные" драмы, заполнившие современную литературу, о том, как один "нехороший" ученый стащил у другого "хорошего" какую-то мысль и, воспользовавшись ею, сделал себе карьеру, дослужившись (подумать страшно!) до профессора... Только в них уже не будет и следа того подлинного аристократизма, бесстрашия, выстраданной последовательности и бескомпромиссности, навеянных благородным духом немецкого романтизма, которые еще были свойственны такому неоднородному и сложному течению, как ницшеанство прошлого.

О СВЕРХЧЕЛОВЕКЕ

Сын богатых знатных родителей в день свадьбы покинул свою невесту и родных, ушел к подонкам общества и несколько лет жил среди них. А потом больной, нищий вернулся в свой дом и, так и неузнанный никем, жил в помещении для прислуги до самой смерти...

Современный человек, услышав эту историю, только неопределенно пожмет плечами. В лучшем случае, это для него какая-то экзотика. В худшем, что более вероятно, — история из жизни сумасшедшего. А между тем, в России это византийское предание об Алексии человеке Божьем, было очень популярно. Русский человек, в отличие от современного, еще хранил представление об и н о м понимании жизни. Не случайно, инок — одна из центральных фигур русской духовной традиции. Без иночества нельзя себе представить Россию...

Стихотворение, на первый взгляд радостное, наполненное размышлениями о чем-то "светлом и хорошем" (как теперь порой выражаются), неожиданно оставляет душераздирающее чувство. А стихотворение вроде бы печальное, полное трагизма, оказывает очищающее воздействие, прочитавший его чувствует просветление... И в жизни, помимо явного, всегда присутствует и н о й по отношению к обычному, высший смысл. Не случайно, искусство (и в частности, поэзия) всегда было средством выражения этой иррациональной стихии жизни, ускользающей от обычного понимания и здравого смысла. Но подлинную поэзию понимают далеко не все. Если же в своей жизни вы попытаетесь следовать этому высшему и н о м у смыслу, если ваша жизнь хоть отдаленно будет напоминать подлинное стихотворение, то вы рискуете вообще остаться в полном одиночестве, и даже самые близкие люди в ужасе отшатнутся от вас. Встать в и н о е положение по отношению к миру, пойти наперекор мнению большинства, обыденному пониманию, здравому смыслу — это значит быть и н о к о м. И в этом отношении христианство превосходит нищезанятство с его тупым биологизмом и примитивной волей к власти, ибо и н о к и есть подлинный сверхчеловек. Некоторая "эстетизация" иночества не должна никого смущать, ведь, как показывает история культуры, эстетические поиски гораздо чаще приводят к религии и к Богу,

чем морализм или рассудочное философствование. Можно было бы привести имена многих глубоких религиозных мыслителей от Киркегора до Флоренского, мне даже кажется, что эстетическое чувство во многом сродни религиозному (но, очевидно, эта тема заслуживает специального рассмотрения). Однако, одно высказывание Константина Леонтьева, закончившего, как известно, свою жизнь в монастыре, кажется особенно характерным: "Именно эстетику-то приличествует во времена неподвижности быть за движение, во времена распушенности за строгость; художнику прилично быть либералом при господстве рабства, ему следует быть аристократом при тенденции к демагогии, немножко свободомыслящим при лицемерном ханжестве, набожным при безбожии".

Фаустовский человек склонен противопоставлять жизнь культуре. Можно оставаться равнодушным ко всем терзаниям души современного человека, но нельзя не видеть, что все эти "фаустовские" вопросы, находящие свое крайнее разрешение то в толстовстве, то в нищезанятии, представляют собой лишь завершение давней европейской традиции понимания (точнее, непонимания) слова и его соотношения с жизнью. Еще Платон вывел поэтов за пределы своего идеального государства. Поэт в Европе практически обречен на фатальное непонимание... Конфуций же, этот древневосточный учитель правителей, огромное внимание в своем учении отводил поэзии. Известно, что в Китае поэт, написавший всего одно хорошее стихотворение, мог быть приближен к императору и делал блестящую государственную карьеру. В стихах китайских поэтов, в сущности, вообще нет содержания в нашем понимании этого слова. Стихотворение — это узор Дао. Следовательно, слово — это всегда символ, жест, а не понятие или термин; оно наделено смыслом, постижимым только в контексте Вечности, а не значением, которое можно уточнить в словаре. Поэтому творчество — это всегда медитация, а не забава или развлечение, и тем более, не "реалистическое отражение действительности" или поучение. Поэтому китаец никогда не претендует на "правдивость" в духе Толстого, ибо он вкусил и н о й Правды. Поэтому в Китае текли "чистые реки бесед" и возможно было такое общение и понимание, какое Европе и не снилось. Китай — это потерянный рай. Не случайно поэты в Китае, наряду с мудрецами, достигшими просвет-

ления, считались небожителями. И хотя их быт был далек от буржуазного благополучия, и многие из них кончали свою жизнь в тюрьмах или умирали не своей смертью, похоже, что они действительно жили на Небесах. Далекие от культурной суеты, они мыслили веками, чувствуя себя современниками тех, кто жил за тысячу лет до них, не нисходя к ним, а поднимаясь до их уровня. Трудно теперь назвать человека равного Конфуцию, ибо слово "великий" что-то значило только в древности...

Понимание — это "прорыв" от одного человека к другому, как бы "вспышка вечности", победа над смертью... Но подобное теперь почти невозможно представить. Мир, утративший свой единый Центр, все больше распадается на множество социальных, политических или профессиональных групп, каждая из которых стремится навязать другим свою систему ценностей, свой язык ("жаргон"), свой смысл... Человек, взятый вне этого группового функционирования, оказывается бесконечно одинок перед лицом вечно ускользающего и всеми попираемого Смысла бытия. И можно ли всерьез уповать на "научную строгость" или философскую методологию, когда не только наука, но и вся современная культура все больше вырождается в некое объединение профессионалов, занимающихся созданием "произведений искусства", которые не только больше не ищут этого смысла, но все чаще выказывают свое раздражение по поводу самой жизни и "вечных проблем", мешающих им работать"? Творец современной культуры (будь то ученый, писатель или поэт, или даже духовный наставник), растиражированный в средствах массовой информации и увенчанный лаврами, все чаще оказывается в положении "сытого", который, как известно, "голодному — не товарищ"...

Но возможность подлинного понимания не утрачена: оно, по-прежнему, возможно в Боге. Ибо Единого для всех Бога, конечный Смысл бытия, можно игнорировать, но невозможно устранить. "Пойти за Христом" — это значит не только в искусстве, а в самом хаосе, ужасе жизни видеть хотя бы проблеск Красоты, чувствовать хотя бы дуновение Духа... Но кто способен на это? — И н о к! Сверхчеловек!

ХРИСТИАНСКИЙ ДЗЭН

Свеча, померкшая в ослепительном свете прожектора, или маленькая ветхая церковь на фоне громоздкого небоскреба стали для меня своеобразными символами современности. И тут дело не столько в архитектурных особенностях современного города или проблеме сохранности "культурного наследия прошлого", сколько в том, с чем постоянно приходится сталкиваться современному человеку. Даже не сознательное, а скорее, бессознательное, "непосредственное" игнорирование Бога, игнорирование Церкви, а, следовательно, отсутствие какой бы то ни было подлинной иерархичности в социальной структуре общества достигли сейчас такой степени, что если бы я вдруг встретил церковь, возвышающуюся над каким-нибудь уродливым, громоздким современным зданием, то, скорее всего, воспринял бы это как издевательство над собственной жизнью...

Я говорю о "христианском дзэне" не для того, чтобы изречь что-нибудь новое и экзотическое, "обогащать культуру" или приспособиться к современности. Мне одинаково чужды и вульгарность теософских и антропософских учений, и рационализм современного православного модернизма. Чтобы не быть пошлым, новое должно, по-возможности, оставаться старым...

Я помню слова Достоевского о том, что "не православный человек не может называться русским", и, в свете нашего опыта, слишком хорошо понимаю их справедливость. У меня нет ни малейшего желания подвергать какому-нибудь сомнению обрядовую или догматическую сторону Православной Церкви. Для меня Россия всегда значила почти столько же, сколько Бог. Все свои мысли, все свои духовные интересы я всегда связывал с ее судьбой. Поэтому, например, я никогда не сочувствовал всевозможным нашим протестантским сектам, которые, несмотря на всю их бескомпромиссность в сравнении с современной Православной Церковью, всегда находились как бы "вне времени и пространства". Слова "Святая Русь", несколько стершиеся в свое время от частого употребления, приобретают теперь какую-то особую силу и трагический смысл. Россия действительно была с в я т о й — в этом не приходится сомневаться...

Однако опыт жизни при засилии и господстве атеистического миропонимания и идеологии, неведомый ранее, ставит перед нами

и новые проблемы. Возможно, когда-нибудь верующего человека снова будет интересовать проблема *filioque*, но сейчас это кажется лишь какой-то схоластической тонкостью, которую трудно почувствовать и пережить. Но современному человеку трудно не почувствовать утрату религиозной глубины переживания и восприятия жизни, постепенного вытеснения их пошлостью "научной очевидности". Последовательный атеизм последовательно отрицает религиозность в любых формах. Однако, на смену вульгарному "воинственному атеизму" все больше приходит "цивилизованный" интеллигентский атеизм кантианского толка, когда Бог и религия допускаются как некие "вещи в себе", общие принципы, призванные упорядочивать нашу жизнь и социальное устройство. Несмотря на свою "мягкость и уступчивость", именно в силу своей "неявности" эта форма атеистического сознания представляется мне наиболее коварной и опасной для человеческой души, ибо современные люди рискуют оказаться в положении "пролов" из романа Оруэлла, которым "не запрещалась бы религия, если бы они проявили к ней склонность"...

Даосизм, буддизм и другие древневосточные учения часто называют "религиозным атеизмом". Но подобно тому, как в жизни силы, ранее разрозненные и даже враждующие, объединяются перед лицом общего врага, я считаю возможным обращаться не только к христианству, но и к опыту этих учений, ибо религиозный атеизм, именно, в силу своей религиозности представляется мне чем-то прямо противоположным современной "атеистической религиозности" кантианского толка. Обращение к опыту этих учений, постоянные ссылки на них и заставляют меня употреблять словосочетание "христианский дзэн" в применении к тому, что мне хотелось бы сказать.

Более того, мне кажется, что в любой религии всегда существует некий центр, своеобразное "мистическое ядро". Например, дзэн в буддизме, суфизм в исламе, исихазм в средневековом православии. Можно прекрасно осознавать, чем отличается православие от католицизма, не говоря уже о буддизме или исламе, но нельзя не видеть, что те, кто достиг наибольшей полноты переживания жизни в Боге, обычно выражают свой мистический опыт на очень гибком символическом языке, а не в строгих догматических формулировках, и тем самым, как бы "выходят" за пределы

данной церкви, формально оставаясь внутри нее. Причем часто расхождения между различными течениями внутри одной и той же церкви куда более значительны, чем расхождения между мистиками, принадлежащими к разным вероисповеданиям. В свое время в православии монах-исихаст отличался от какого-нибудь православного же рационалиста куда больше, чем от какого-нибудь мусульманского отшельника-суфия. Надо отдавать себе отчет в том, что у родившегося где-нибудь в Иране очень мало шансов принять православную веру, но духовный мистический опыт, пережитый человеком, нашел бы, очевидно, свое выражение и на том языке. В сущности, для людей истинного знания подобных вопросов, вообще, не должно существовать. Люди говорят на разных языках, но понимают друг друга только в Боге, Едином для всех.

Россия и Православная Церковь — родные для меня, это мой крест. Я говорю о "христианском дзэне" только потому, что, по моему, именно такого живого "мистического ядра", каким является для современного ислама суфизм, а для буддизма — дзэн, не хватает современному православию. Я употребляю слово "дзэн" еще и в силу той роли, которую играет это учение в современной культуре, его необыкновенного созвучия современному сознанию, особенно в нашу "постмодернистскую" эпоху...

В старинной дзэновской притче говорится о том, как у одного адепта дзэна умерла мать. Узнав об этом, он сел и разрыдался. Его товарищ, находившийся рядом, с недоумением спросил его: Почему ты плачешь? Неужели в тебе еще осталось э т о? — На что тот, не задумываясь, ответил: Не будь дураком! Я плачу, потому, что мне нравится плакать.

Трагическая судьба многих близких мне людей, от Киркегора до Уайльда, засилие ханжества и разгул сатанизма, безличное рабство и нищенское презрение к слабым, которые так или иначе сопутствовали историческому христианству, вынуждают меня сказать, что полностью я способен принять Евангелие только с подобным дзэнским оттенком. В Новом Завете мне не хватает сцен, где один из учеников Христа, рыдающий над Его Гробом, на вопрос, почему он плачет, ответил бы подобно дзэновскому монаху, оплакивающему смерть своей матери... Пусть это будет только оттенок, а не главное в Евангелии. Пусть это будет только один

ученик, а остальные плачут иначе. Но пусть и этот ученик, наряду с остальными, будет причислен к апостольскому лику святых... Я понимаю, сколь многих это оттолкнуло бы от Церкви. Но мне кажется это необходимым. Ибо оттолкнув большинство, это привлекло бы единицы наиболее глубоких людей, тех, кто, так или иначе, это понимал всегда. Даже Флоренский в своей "Философии культа" сочувственно цитирует стихотворение Бальмонта: "Мало плакать, нужно стройно, гармонически рыдать". — И что из того, что большинство будет против!? Ведь Церковь существует не для большинства, а, может быть, даже для одного... Очевидно, что только при этом условии слова Христа: "Делаю вас царями" приобретают реальный смысл. И Евангелие действительно становится "благой вестью", а не очередным средством духовного порабощения, порождающим ханжеское лицемерие и отчуждение от собственного "я".

Кажется, Иоанн Лествичник приводит пример из практики двух христианских аскетов. Один всячески подавляет свою плоть, отказывая себе в еде и остальном. Другому же удалось достичь такого состояния, что однажды утром он съел гроздь винограда и даже не почувствовал его вкуса... Мне же невольно вспоминается один адепт дзэна, который на вопрос о том, в чем заключается особенность его жизни, ответил: "Когда хочется есть — ем, когда хочется спать — сплю". — "Но так делают все!?" — "Да. Но я это делаю сознательно..." — И в данном случае я поставил бы всех троих в один ряд. Ибо и последователь дзэна, и оба христианских аскета в равной мере являются людьми истинного знания, т.е. находятся на истинном пути. Цель аскетики заключается не в самой себе, а в освобождении своего внутреннего "я", преодолении навязываемого внешней средой отчуждения от этого "я", гармоническом слиянии сознательного и бессознательного. Достичь состояния высшей естественности, устранить какое-либо отчуждение от собственного "я", или, говоря словами дзенской притчи, устранить в себе э т о — и значит, в моем понимании, достичь состояния святости. Поэтому, в рамках того, что я называю "христианским дзэном", я не вижу существенной разницы между древним циником, даосом, хохотавшим на похоронах, и христианским монахом, смиренно опускающим глаза перед каждым встречным. Ибо г р е х и в исконно христианском понимании всегда отождествлялся с отпадением от подлинного бытия, а не с

нарушением каких-то социальных или моральных норм. Ведь даже наркоман, стоящий перед каким-нибудь суетным морализирующим журналистом, и "неотмирностью" выражения лица, и глубиной переживания, и невыразимостью смысла своего бытия, чем-то невольно напоминает Христа, выслушивающего вопросы Пилата, этого суетного функционера Римской империи. А убийство для Раскольникова было первым шагом на пути к Богу...

Мы живем в перевернутом мире. Юродство, столь чтимое в православной России и столь презираемое нынешним обыденным сознанием, свидетельствует об этом. Любое отклонение от "нормы", отторгнутость от человеческого общества, одиночество, всегда являются напоминанием (пусть порой неосознанным, стихийным) о вечной истине христианства — двумирности человека. Кем бы ты ни был в этом мире, ты останешься тем, кто ты есть перед Богом — это то, на чем основывается христианское миропонимание, христианская вера... Не случайно именно по этому поводу, как правило, иссякает обычная интеллигентская "снисходительность" к религии...

Одиночество — единственный возможный способ существования самоотжествленной личности, осознавшей себя перед лицом Вечности. Чем дальше человек от людей, от мира, тем ближе он к Богу. Поэтому и маркиз де Сад, и фюрер безусловно выигрывают в моих глазах в сравнении с каким-нибудь сытым преуспевшим, добропорядочным, "невинным" обывателем. Те отчужденные внешние ужасы, которые обычно связываются с подобными людьми, как правило, полностью игнорируют подлинный трагизм человеческого существования, иррациональную мистическую природу человеческой жизни и страдания. Что касается логики, к которой обычно прибегают рассуждающие моралисты, то в отношении человека она вряд ли уместна. И на любой силлогизм, вроде: "Негр и белый — люди, следовательно, они равны", — всегда можно ответить: "Негр и белый — люди, следовательно, они не равны"... Столь же мало впечатляют арифметические выкладки о "миллионах погибших". Ни два, ни много, ни миллион никогда не были и не будут больше, чем один человек. И умирает всегда один человек! Один! Но никогда несколько! Поэтому радужные перспективы, альтернативы "ужасным временам", предлагаемые всевозможными "добрыми" и "хорошими" людьми, альтернативы, обрекающие человека на одинокую смерть и страдание в

отчужденном "радостном" мире, не могут не шокировать того, у кого осталось хоть немного воображения.

В наше время, когда Церковь отошла на второй план, когда господствует толпа со своей "культурностью" вместо религиозности, когда в качестве учителя жизни выступает какой-нибудь писатель, не поднявшийся в своем развитии выше прилежного ученика, пишущего сочинение на заданную тему... одиночество становится единственным прибежищем для человеческого духа. Бог — интерсубъективен. В некотором смысле, самое глубокое внутреннее "я" человека, следующего вечным путем абсолютной внутренней свободы, Дао, и есть Бог. Вспомним суфийскую формулу: "Я есть Бог, но Бог не есть я". Поэтому человек, отдающий себе отчет в собственных поступках, признающийся самому себе, в сущности, признается Богу. И то, что в этом мире называют цинизмом, является, по сути, попыткой, часто неосознанной, покаяния в новых условиях внецерковного социального окружения...

Что касается морали, то напрасно ее приписывают древним. Скорее она является еще одним изобретением человечества, следующего по пути прогресса, изобретением просветителей Новейшего времени. Вспомним, хотя бы, Конфуция, чье имя стало чуть ли не символом классического ригоризма и морализма. Но вот характерный пример из "Бесед и суждений" ("Люн Юй"). Учение Конфуция спрашивает у правителя области, берет ли тот взятки. Тот отвечает, что нет. На что первый говорит: "Правильно. Но Учитель брал, и люди были довольны". Даже один этот пример показывает, насколько далеко было представление древнего китайца о нравственности от представлений современного человека. Для Конфуция центральным было понятие гармонии в глубоком, мистическом смысле этого слова, а не набор механических правил, которым почему-то должен следовать человек (хотя понятие о церемонии ли — тоже одно из главных в его учении). Поэтому на страницах древних книг мы часто встречаем Учителя то играющим на цине, то размышляющим о падении нравов — похоже, что для него это то же самое. Музыке и поэзии в конфуцианстве отводилась огромная, в том числе и воспитательная, роль. В связи с этим довольно странно звучат слова о "рационализме" конфуцианства, который постоянно навязывается ему теми, кто склонен противопоставлять конфуцианство даосизму. Очевидно, эти люди не очень внимательно читали Конфуция. Его учение полно едва уловимых нюансов, требующих

не столько рационального, сколько эстетического восприятия, каждая фраза его книг связана с последующей каким-то особым ритмом... Здесь важно не только то, что говорится, но и то, как говорится. Обаяние личности и книг Конфуция настолько велико, что затрагивает в душе такие струны и будет в ней такое глубокое вдохновение, какое, пожалуй, не способна пробудить никакая, даже самая гениальная музыка. Конфуций — один из немногих людей, наделенный абсолютным слухом в мистическом, абсолютном смысле этого слова; абсолютным слухом к Истине. Трудно найти ему равных в Европе. Поэтому даже не зная китайского языка и живя совсем в другой стране и в другое время, читая стихотворение Ли Бо, где он сравнивает себя с Учителем, понимаешь, почему это считалось величайшей дерзостью...

Но вот слова Гегеля о Конфуции: "Для его славы лучше бы его не переводили". Не только ритм или музыка мысли, но даже тот факт, что это имя в течении многих веков владело умами одной из самых гениальных и многочисленных наций, ничего не говорят современному профессору философии. Его больше впечатляют логические выкладки и причинно-следственные связи между философскими доводами, которых в жизни вообще не наблюдается, зато в любой машине более чем достаточно. "Идеализм" Гегеля, для которого, как справедливо заметил еще Флоренский, даже слово "идея" означало всего лишь какой-то общий тип, понятие, а философия была наукой об этих общих понятиях, во многом сродни современной технократической цивилизации, и наверное, послужил мощным импульсом к ее становлению. Ибо подобный способ философствования как-то невольно ассоциируется с современными типовыми домами, машинами, сошедшими с конвейера, и с трудом связывается с чем-либо живым. Существует безусловная связь между гегельянством и марксизмом, причем связь не столько содержательная (о чем говорится во всех учебниках диалектического материализма), сколько по форме и стилю мышления. И теперь можно наблюдать многочисленные изменения в тактике и стратегии марксистских партий, но рассуждения о "хозяйственном механизме", "поступательном движении" и т.п. остаются неизменными. Речь, как правило, идет только об улучшении работы этого "механизма"... Но любая машина, которая в современном обществе почему-то стала символом чего-то сверхсложного,

всегда ~~ни~~ была, есть и будет примитивна в сравнении даже с самым простейшим организмом, ибо в ней нет и никогда не будет т а й н ы. Именно этой т а й н ы лишен и гегельянство в сравнении с конфуцианством. К сожалению, время идет, и на смену Конфуцию приходит Гегель, а на смену "темному" набожному крестьянину с "примитивной" хозяйственной утварью и помощником (а не инструментом!) — конем, приходит колхозник с гаечным ключом и трактором, зато знающий таблицу умножения и Дарвина...

Подобно тому, как, с точки зрения панлогизма, такие иррациональные, "музыкальные" мыслители, как Конфуций, Киркегор или Розанов, очевидно, просто не умеют, "не научились" мыслить логично, по-научному, современный человек с презрением смотрит в "темное прошлое". И это несмотря на то, что в тибетской медицине только по пульсу могли определить пол еще не родившегося ребенка, а современный врач, оснащенный всевозможной техникой, способен вылечить разве что от насморка, который, впрочем, прошел бы и без него. И уж, конечно, куда "темному, безграмотному мужику" Распутину до современного инженера!...

Современный человек своим отношением к миру скорее напоминает Сальери, чем Моцарта: некий врожденный дефект с л у х а мешает ему почувствовать музыкальную природу Истины и делает недоступным подлинный смысл древних учений. Этот человек "без музыки в душе" (слова Розанова) обречен нести в мир настоящий скрежет. Скрежет, который, прежде всего, обусловлен глубочайшей дисгармонией между внешним и внутренним "я", сознательным и бессознательным, вызванной неспособностью современного человека к настоящему осознанию самого себя в акте религиозного покаяния... Отсутствие смирения, игнорирование конечного Смысла бытия и приводит к постоянному раздражающему различию между тем, что человек делает, и тем, что на самом деле делается, между тем, что он говорит, и тем, что через него говорится, обрекая человека на страдание, вызванное ощущением этой навязчивой дисгармонии ("скрежетанием") смысла. Не этот ли скрежет физически слышал Блок незадолго до своей смерти?... Скрежет, который явственно ощутим в поздних стихах Маяковского... Скрежет, который и сейчас слышен в современной поэзии, музыке и просто в мире...

Христос искупил человека, устранив из мира прежде всего

этот с к р е ж е т, который остался "во тьме внешней". Но сегодня уже не нужно быть христианином, чтобы заметить существенную разницу между тем, как смотрит на умирающего какая-нибудь безграмотная православная старушка и просвещенный врач. Нельзя не видеть и абсолютного несходства между литургией и заседанием ученого совета или парткома... Поэтому конфуцианское понятие гармонии в моем представлении нисколько не противоречит христианскому устройению общества. Даже такой человек как Леонтьев со своей эстетской любовью к церковной обрядовой стороне жизни скорее напоминает конфуцианца, чем христианина в обычном понимании этого слова. Но именно таких людей и не хватало русской Церкви, чтобы укрепить свое положение в обществе. Может быть, Россию погубило то, что религия была христианской, а образование классическим. Классический, античный языческий мир с его ложными демократическими свободами и идеалами внес трагический раскол в русскую ~~и~~ душу, раскол между светской и церковной культурой. Ведь даже "величайший русский гений" Пушкин был очень и очень далек от православия, что особенно бросается в глаза при рассмотрении глубинного ассоциативного строя его стихов, а следовательно, в соответствии с замечанием Достоевского, был не вполне русским. Что касается пресловутой "гармоничности" личности Пушкина, то окончательные последствия подобного "греческого" представления о гармонии русским людям еще предстоит осознать, если они когда-нибудь всерьез об этом задумаются...

Свои общественные идеалы я мог бы сформулировать предельно просто: христианская религия и конфуцианское воспитание.

Но, к сожалению, кризис современной Церкви гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. На фоне продолжающихся схоластических споров и упорного отмежевания от восточных культов абсолютно необъяснимо отступление Церкви перед современной наукой и культурой. Допустимо ли считать какого-то Эйнштейна специалистом в области "физического мира", а Иисуса Христа специалистом в области религии и морали?! Но похоже, что именно так и происходит. И современный ученый, всерьез развивающий идеи о происхождении человека от обезьяны или эволюции биосферы в ноосферу, считает возможным на досуге зайти в церковь и помолиться, ибо не сомневается, что Христос был таким же "хо-

рошим и добрым", как и он. Но тот же ученый, стоит только кому-нибудь случайно задеть дорогую ему науку или ущемить его права, поднимает неимоверный шум, как будто посягнули на что-то абсолютно священное и непреложное. Можно только удивляться, какую колоссальную энергию проявляют эти люди для утверждения своих, далеко не абсолютных ценностей и истин. Начиная с "великих мучеников" науки Коперника и Галилея до современных преследований кибернетики и генетики, происходит какая-то совершенно непонятная суэта вокруг всевозможных открытий, якобы проясняющих истину. Однако ни "нервная система дождевого червя", ни сверхпроводимость, ни ~~цели~~ даже пятна на солнце или какая-нибудь другая подобная проблема не являются столь безусловными, чтобы человек не только себя, но и множество других людей вовлекал в бессмысленный процесс т.н. "трудовой деятельности на благо прогресса". И тем более,, подобные мировоззренческие послышки вряд ли могут служить основанием для того, чтобы один человек судил другого или сговаривал на несовершенство мира. Эйнштейну незачем было опровергать систему ньютоновской физики, чтобы на смену ей выдвинуть столь же относительную теорию относительности, на смену которой, исходя из логики развития науки, должна прийти такая же относительная теория, и так до бесконечности... Всякий раз для обоснования какой-нибудь своей претенциозной и условной теории в науке выдвигается какая-нибудь другая условность: сверхпроводимость обосновывается через пользу, интересы науки, интересы государства, прогресс всего человечества и так далее и тому подобное. Но в подобной логической цепочке нет ни одного слова, которое нельзя было бы повернуть как угодно, и нет окончания. Польза — для кого? Прогресс — куда?... Ни одно слово, ни одно обоснование не приносит окончательного удовлетворения. Это как стакан воды, которая почему-то не утоляет жажду... или как бездарное стихотворение, в котором чего-то не хватает... А по существу, это — социальное бытие, лишенное смысла, жизнь и деятельность, не приносящие удовлетворения.

Как ни парадоксально, но сила творцов современной цивилизации — прежде всего, в том, что они "не ведают, что творят". Эти люди сами не понимают себя и того, что делают, поэтому их так трудно бывает понять. Но именно это и следует понять прежде всего.

Даже "коммунистические идеалы" оказались более живучими,

чем фашистские, именно, в силу своей постоянно ускользающей от понимания неопределенности. Вспомним хотя бы знаменитую ленинскую статью "О стратегии и тактике". Мысли, изложенные в ней, достойны Макьявелли, однако, будучи глубоко циничной по своей сути, она написана без намека на какой бы то ни было сознательный цинизм. Это именно тот случай, когда объективному цинизму содержания явно не хватает циничности самосознания. Эту двойственность еще предстоит осознать, но она уже достаточно сказала в нашей истории...

Отчужденное философствование Маркса о мире как объекте исследования, не подкрепленное познанием собственной души, имело самые трагические последствия: "убедительные" наукообразные логические и диалектические построения распадаются, как карточные домики, при столкновении с иррациональной стихией жизни. Ибо, в конце концов, понимание мотивов собственного поведения, а в меру этого, и человека вообще, ответственность за смысл своих слов перед Богом, право на эти слова, искупленность слова перевешивают знание каких-то "объективно-существующих экономических законов", которые "повисают в воздухе", как и все подобные многочисленные доводы научные...

Однако, "неудавшийся марксистский эксперимент" представляет собой не более, чем первый акт в глобальной всечеловеческой трагедии, признаки которой мы можем наблюдать в самых разных сферах нашей жизни, и чьи главные действующие лица явно не собираются сходить со сцены. Вся современная цивилизация по своим ценностям, ориентирам и образу бытия являет собой выражение неподлинного, отчужденного от самого себя, "научного" сознания, ориентированного на мир как на некий объект исследования. И именно эта форма сознания постепенно вытесняет из всех сфер жизни сознание религиозное, которое я понимаю как символическое прежде всего.

Я уже говорил об общей неудовлетворительности всех научных обоснований, которыми почему-то удовлетворяется современный ученый. Если ученый, исследователь, агроном говорит, например, о зерне, то он обязательно говорит о зерне, которое нужно для развития сельского хозяйства; сельское хозяйство нужно, чтобы накормить население страны, что, в свою очередь, необходимо для повышения производительности труда и т.д. до бесконечности. Можно было бы привести множество при-

меров из самых разных областей современного знания, и везде мы увидели бы ту же самую картину. Самые фундаментальные положения современной науки обосновываются подобным образом, что, тем не менее, не мешает ей занимать главенствующее положение в современном мире. По существу, все духовные ориентиры, все ценности, все основные понятия, лежащие в основе современной научно-технической цивилизации не только не понятны, но и, в принципе, непонимаемы. И именно это следует понять прежде всего. Современная цивилизация безумна, и потому сводит с ума... Она напоминает здание, при строительстве которого в спешке забыли заложить фундамент. И те, кто с упоением занимаются отделкой его фасада, рискуют оказаться погребенными под его камнями... Вся дурная бесконечность "прогресса" с его устремленностью в космическую бесконечность в пространстве и неопределенность будущего во времени являет собою символический образ дурной бесконечности человеческого познания, постоянно обращенного вовне и нигде не находящего себе удовлетворения.

Очевидно, что к Христу трудно "придаться" подобным образом. Пусть зерно, о котором Он говорит, не является абсолютной ценностью, но Он, собственно, говорит не о зерне, а об ином: "Имеющий уши, да услышит..." Это слова Бога, вобравшего в Себя Вечность, в том числе вечность человеческих поисков и заблуждений. Вечность, переживаемая во времени: говорится об одном, но имеется в виду все... Здесь нет ни доказательств, ни обоснований, но слышащий чувствует глубокое мистическое удовлетворение, без которого подлинное понимание невысказуемо. Ибо это Слово, искупленное Кровью, Слово, вызывающее доверие. "Я есть Истина" — вот высшая форма выражения подлинного религиозного символизма. Ибо тут истинно не то, что я говорю, а то, что через меня говорится, т.е. то, что я говорю и то, что через меня говорится — одно ("Имеющий уши, да слышит")... Христос искупил человеческий грех познания, вернув человеку конечный Смысл бытия: "Ешьте Мою Плоть, пейте Мою Кровь". Каждый причащающийся приобретает к Христу и к этому Смыслу, становясь, в какой-то мере, причастным к подобному символизму. Конечно, человек волен по-прежнему игнорировать конечный Смысл бытия, но о наличии или отсутствии этого Смысла может свидетельствовать только

его наличие или отсутствие, а не доказательства и обоснования его наличия или отсутствия. Человеку не дано ничего доказать, единственное, что он может — это с в и д е т е л ь с т в о — в а т ь...

И тем более непонятна позиция современной Церкви, уступающей какому-то тщеславному Эйнштейну и подобным ему. Теория относительности и прочие научные теории вряд ли нуждаются в специальном ("научном") опровержении изнутри, так как являются порождением неподлинного, обращенного в о в н е, сознания непокаявшегося человека. Если же "залезть" в эти теории, то можно так никогда и "не вылезти". В пространстве Лобачевского параллельные прямые пересекаются, не исключено, что в чьем-то еще п р о с т р а н с т в е и Земля опять окажется плоской. "Мир как воля и представление" — в этих словах Шопенгауэра заложен далеко нешуточный смысл...

Обращенность во вне, в дурную бесконечность "объективной реальности", погружает современного человека в кошмар отчужденного бытия, где каждый человек уже не несет в себе вечности, а является жалкой песчинкой в хаосе бесконечного внешнего пространства и времени. Однако это пространство бесконечной вселенной, которое рассматривают в телескопы какие-то слабоумные (я не знаю, как еще назвать тех, кто, видя перед собой картину, тычет в нее пальцем и не замечает на ней ничего, кроме физической реальности красок), это пространство всерьез считать только порождением больной фантазии людей "одержимых" (как они сами себя любят называть) "научным поиском"... **ЖЖ** "Вот оно Царствие Небесное — внутри нас" — и в этом смысле, космонавты, несмотря на весь свой героический пафос "покорения небес", вообще никуда не летают...

Под христианским дзэном я подразумеваю движение, которое выступает за истинную Церковь, способную к обновлению и очищению не в отвлеченных схоластических спорах и доказательствах, а постоянным вслушиванием в Смысл бытия, за Церковь, всегда готовую свидетельствовать об этом Смысле в нашем молчаливо озвученном и бессловесно словесном мире. Ибо отпадение в бессловесность, любая уступка хаосу, бездушию людей, одержимых тщеславным любопытством и бессмысленным самоутверждением, даже для отдельного человека является признаком отпадения от Бога, а

для Церкви, тем более, не допустимо.

Нужно всегда помнить, что совершить пробег в честь ЦК ВЛКСМ или паломничество к святым местам — далеко не то же самое, даже если расстояние и преодолеваемый "маршрут" полностью совпадают. И ученый, утверждающий, что паломник и комсомолец всего лишь прошли по 200 километров из пункта А в пункт В, вряд ли отражает что-то объективно происходящее, а скорее уподобляется вышеупомянутому слабоумному, который на картине не видит ничего, кроме размазанных по холсту красок, но при этом нулевой уровень своего развития пытается выдать чуть ли не за высшее достижение человеческой мысли и постоянно претендует на место "нового учителя жизни", навязывающего другим нормы интеллигентской морали и "терпимости"... Но если атеистическую статью, отрицающую существование Бога, еще можно читать: в конце концов, и в богословской традиции существует т.н. "отрицательное богословие", — то в научной статье, где говорится, например, что христианство было всего лишь одной из сект иудаизма, на самом деле, говорится уже совсем не то, что в Новом Завете, но здесь столкновение происходит на гораздо более глубоком, еще не осознанном уровне.

Мы не только живем под разными небесами, но, и перемещаясь из пункта А в пункт В, в сущности, движемся в совершенно разных направлениях, разных пространствах и разных измерениях. Но до тех пор, пока Церковь считает возможным солидаризироваться с учеными и прочими "добрыми" представителями "прогрессивно настроенного человечества" в борьбе за какой-то абстрактный мир, пока ученый считает возможным на досуге сходить в церковь, а христианин — заняться наукой... до тех пор, заходя в то же самое здание, мы,, в сущности, ходим в разные церкви. Ибо эти церкви могут оказаться чем-то вроде неба, куда теперь летают космонавты. Нетрудно заметить, что современный плакат по своей сути, по "ликам", которые на нем изображены, является чем-то абсолютно противоположным иконе. Так же, как и комсомолец, и космонавт, как бы сошедшие с этих плакатов, и по своему внешнему виду значительно отличаются от иконописных христианских старцев. Ведь плакат так же как и икона, является словесным выражением словесного бытия. И до тех пор, пока безумная женщина в платке с простертой рукой или распоясавшийся хулиган с кулаком-кувалдой с плакатов, изображающих "Родину-мать" или пролетария, продолжают

пугать маленьких детей на улице..... — и Крест, и Икона, и сама Церковь должны вызывать, по крайней мере, такое же содрогание у всевозможных о д е р ж и м ы х, а не быть музейным украшением для современного вежливого Хама, изрекающего какие-то магические слова вроде: "прогресс", "эволюция", "больной", "шизофреник", "истина", "красота", "преступник"...

СМЕСТИВШИЙСЯ ЦЕНТР

Представьте себе человека, говорящего на своем родном языке, и ученого-лингвиста, изучающего этот язык. Как бы хорошо последний его ни ~~изучал~~ изучал, у него всегда будет недостаток по сравнению с тем, для кого язык является родным: он всегда будет знать, что он язык з н а е т, т.е. он всегда будет находиться в состоянии некоторого отчуждения от объекта своего изучения. Тогда как говорящий на своем родном языке вряд ли даже думает, что он что-то такое знает: он владеет своим языком совершенно естественно...

Этот простой пример достаточно хорошо выявляет тот, казалось бы, совсем незначительный нюанс, оттенок в научном миропонимании, который ставит того, кто склонен к этому миропониманию, в отчужденное положение по отношению к обычному, естественному состоянию человека. Научная деятельность столь распространена в современном мире и столь привычна, что обычно даже не задумываются о ее последствиях для человеческого духа. Более того, слово "научность" на современном языке становится чуть ли не синонимом "истинности"... А между тем, постоянная ориентированность ученого на отчужденный объект познания ставит его в положение вечного иностранца, попавшего в чужую страну, в любой

сфере человеческой деятельности. Но у любого иностранца, как известно, где-то должна быть родина, а следовательно, и родной язык. И мне кажется очень важным хотя бы в общих чертах наметить контуры этого "родного языка" ученого. Ибо складывается впечатление, что деятели науки, проявляющие колоссальную энергию, чтобы двигать человечество по пути "прогресса", все и всюду изучающие, все исследующие, всем интересующиеся, очень слабо осознают самих себя, или, иными словами, "не ведают, что творят".

Меня всегда несколько смущала анекдотичность ситуации, когда какой-нибудь Миклухо-Маклай в течении двадцати лет живет среди папуасов, но не просто живет, а исследует и изучает их, чтобы в конце своей жизни обогатить науку своими наблюдениями. В самом деле, в подобном "научном подвиге" есть что-то ненормальное: об естественности, "диалогичности" отношений между людьми здесь говорить не приходится. Правда, эта ситуация, вроде бы, не совсем обычна, а являет собой пример "бескорыстного научного подвижничества". Но ведь и ставшее абсолютно привычным для всех положение врача в современном обществе, наделенного правом научно-обоснованной помощи всем, вне зависимости от своих симпатий и антипатий, представляется мне глубоко противоестественным и ненормальным, ибо дает человеку сомнительную иллюзию гарантированной помощи, подменяя и вытесняя естественные человеческие отношения "любви-ненависти" отчужденно профессиональными... Более того, не только социологи или психологи, но и философы, поэты и писатели считают теперь возможным "идти в жизнь", чтобы ее исследовать, и большинство современных, далеких от культуры людей, становится чем-то вроде папуасов, поставляющих материал для романов и диссертаций, тешащих самолюбие их авторов... Но это уже особая тема общего отчуждения современной культуры от жизни, корни которого, как мне кажется, нужно искать в особенностях все того же научного миропонимания, становящегося, к сожалению, все более и более типичным для современного "культурного человека".

Сместившийся центр внимания современного человека на объект исследования, отчуждение этого объекта, "объективной реальности", фактов и т.п. от собственной жизни приводит к возникновению множества парадоксальных ситуаций с самыми непредсказуемыми последствиями для жизни всего человечества.

Бессмысленно искать на прилавках академических магазинов важнейшие буддийские сутры или конфуцианские трактаты: до их издания дело еще не дошло. Однако там всегда можно найти хорошо изданное, на дорогой бумаге описание утвари какого-нибудь буддийского монастыря, только потому, что это описание было найдено в какой-нибудь последней археологической экспедиции. Но стоит ли этому удивляться? Ведь для ученого-археолога важен не буддизм или духовное состояние современного общества, а археология, и его больше волнует не то, как достичь Нирваны и спасения, а как сказать новое слово в своей науке. И так в любой другой области. По существу, наука — это абсолютно инородное, со своим собственным центром, чуждое образование по отношению к вечной духовной традиции человечества, игнорирующее и разрушающее эту традицию. Именно поэтому монополизация всей сферы духовной жизни учеными, как это теперь и происходит, не может не устрашать.

Ученый, изучающий всю жизнь христианство, всегда может отложить свой труд в стол и отправиться на заседание парткома или ученого совета, и при этом всерьез считать себя глубоко проникшимся всеми "проблемами", которые волновали в свое время христианских святых. Однако, если между буддистом и христианином есть довольно существенная разница, то не только между специалистом по христианству и специалистом по буддизму, но даже между специалистом по Пушкину и специалистом по ядерной физике, не будет, в сущности, никакой разницы. Чем бы ни занимались эти люди, все они являются учеными — и только это существенно. Более того, технократия в некоторой степени выглядит даже более привлекательно в сравнении с представителями гуманитарных наук, так как значительно лучше осознает себя и питает на свой счет гораздо меньше иллюзий.

Я говорю о противоречии, в которое вступает наука с естественным состоянием человека. Но, очевидно, что единственной силой, способной сознательно противостоять отчужденному, научному отношению к жизни, может быть только религия. Верующий человек, в отличие от ученого, способен в акте религиозного покаяния к глубокому осознанию своей жизни, к сознательному принятию и осмыслению иерархии ценностей, которым он подчиняется (не случайно, само слово "вера" происходит от греческого *ἡ ἀρετή*, а иерархия — это то, что необходимо для религиозной

жизни). Наука всегда ориентирована на веру в человеческий разум, силу знаний, активность, применение этих знаний в мире. И наоборот, трудно себе представить какую-нибудь религию без скрытников, молчаливников и отшельников. Ибо то, что человек говорит и делает, в конце концов, так или иначе, становится известно людям, но то, о чем он молчит, чего он не делает, слышит и видит только Бог. Поэтому недеяние, молчание, смирение, уход от мира — это всегда некое молчаливое свидетельство о Боге, не имеющее ничего общего с пресловутой показной "скромностью" ученого. Не скромности, а духовному аристократизму и беззаботности по отношению к миру и собственным знаниям учили все великие древние наставники от Чжуан-цзы до Христа. Наверное, поэтому столь распространенный ныне, ставший уже "бродячим", трагикомический сюжет из жизни непризнанного "гениального ученого" так слабо увязывается с "чувством истинного Пути", выраженным в словах Чжуан-цзы: "Знания не находят применения, это рождает беззаботность. Беззаботность вскармливает знания... Это и есть чувство истинного Пути и благородство высшего де."

Конечно, человек слаб. И религиозный человек способен, поддавшись тщеславию, проявлять нездоровую активность или выставлять напоказ свои знания. Но существенно то, чем, на самом деле, живет человек. И если христианин воспринимает это как грех и кается, то у ученого, наоборот, невозможность продемонстрировать и применить свои знания вызывает сожаление. Тем более непонятно введение в нынешний культурный обиход людей вроде Флоренского в качестве ученых. Отождествление Флоренского с каким-нибудь Вернадским только потому, что они касались каких-то общих проблем ноосферы или пневмосферы, затрагивает не только лично Флоренского и его судьбу, но и невольно приводит к отождествлению в обыденном сознании глубокого религиозного горения, с праздным холодным любопытством ученого, что, в конечном счете, должно иметь и уже имеет самые неприятные последствия для Церкви. Поэтому возможное издание в издательстве "Наука" Библии не только не приводит меня в восторг, но вызывает, скорее, апокалиптический страх, предвещая окончательное умирание духовных, религиозных истин. Не приходится сомневаться, что даже самый обыкновенный верующий человек, не говоря уже о людях подобных Флоренскому, вместо того, чтобы считаться в нашем "просвещенном" мире заблуждающимися, наивными и, может быть, даже

ущербными, могли бы стать довольно неплохими "специалистами по религии", но для этого им все-таки пришлось бы окончательно отпасть от Бога, т.е. перейти в совсем иную сферу духовной жизни, обрести иное качество бытия...

Обращение современного человека к прошлому, стремление вернуть и сохранить забытые и утраченные духовные ценности как никогда остро ставит и проблему Церкви. Ни один факт, ни один человек, ни одно произведение искусства не могут быть поняты и осмыслены вне времени и пространства, вне определенного социально-культурного контекста, в котором они существуют. Любая, даже самая абсолютная и безусловная в прошлом духовная ценность обретает свой окончательный смысл только в этом социально-культурном контексте: подобно тому, как слово обретает свой смысл только в контексте конкретного высказывания, и этот смысл может быть прямо противоположным значением этого слова, зафиксированному в словаре. Очевидно, что та же самая икона, перенесенная из церкви в музей, становится чем-то прямо противоположным самой себе. Проблема Церкви и есть, в конечном счете, проблема контекста, некоего незримо присутствующего в мире Храма, позволяющего сохранить подлинный смысл религиозных ценностей, и не только религиозных. Ибо с разрушением Церкви мир как бы лишается стержня, после чего с неизбежностью наступает всеобщее смешение и распад. Христос обращался к апостолам со словами: "Вы соль земли. Что будет, если соль будет не солона?" Иногда мне кажется, что мы живем в такое время, когда люди всерьез задались целью ответить на этот риторический вопрос Христа. Непонятная, непостижимая уступчивость современной Церкви во всех сферах духовной жизни, ее странная приверженность явно декларативным ценностям и равнодушие к их скрытому, но реальному смыслу невольно наводит на мысли об устранении Церкви из жизни современного общества, разрушении Храма, незримо присутствовавшего в мире, о глубоком изменении культурно-исторического контекста, в котором приходится жить современному человеку, а следовательно, и глубоком переосмыслении и переоценке всех ценностей. Как это ни парадоксально, но именно пробудившийся интерес современного человека к прошлому, к религии и Церкви поставил его перед фактом незаметно произошедшей подмены. Священнослужители оказались довольно приятными, интеллигентными, эрудированными людьми, непло-

хо живущими, сытыми, довольными, регулярно совершающими поездки за границу на различные симпозиумы для обсуждения религиозных проблем. И простым смертным ничего другого не остается, как ждать, когда эти "специалисты по Богу" совместно с представителями других наук наконец-то докажут и научно обоснуют Его существование, чтобы окончательно снять все возможные разногласия по этому вопросу... Сейчас уже невозможно указать практически ни одно явление современной культурной жизни, включая многочисленные публикации русской религиозной мысли, которое невольно не уподоблялось бы иконе, вывешенной в музее, ибо Храма, в котором она должна была бы "висеть", просто не оказалось. Любопытно, что один из предтечей современной "религиозной научности" И.Н.Ф. Федоров, со свойственной ему последовательностью, считал Музей чем-то вроде нового Собора. Действительно, Музей в Храме, Музей вместо Храма становятся настоящими символами современной культуры. Волна отчуждения захлестнула сознание современного человека. И Страсти Христовы под указкой экскурсовода приобретают неожиданный, неведомый доселе смысл...

Пожалуй, не стоило бы так много внимания уделять науке и научности, если бы они не несли в себе довольно явные признаки "новой религии", о возможности прихода которой на смену христианству писали некоторые современные богословы (например, о.Серафим Роуз). В самом деле, если человек считает возможным обращаться за помощью к врачу, а не к священнику, если он принимает все существующие ныне институты прогресса и подчиняется им, если он принимает навязываемую современной научно-технической цивилизацией иерархию ценностей, то значит он придерживается и соответствующей веры, кем бы он сам себя не считал, о чем бы не рассуждал. Ибо проблема веры — это, все-таки, проблема самосознания, проблема жизненная, а не теоретическая. И мы видим, что даже святые мученики все больше отступают на второй план по сравнению с "великими мучениками" науки и прочими "борцами за светлое будущее человечества"... Другое дело, что эта "новая религия" носит неосознанный пародийно-ритуальный характер (о чем мне как-то уже приходилось говорить) и вряд ли когда-нибудь сможет стать религией в подлинном смысле этого слова, ибо Истина все-таки принадлежит не ей. Но именно в неосознанности, в невыявленности основных предпосылок научного

миропонимания и заключается его главная опасность, заставляющая нас обращаться к их осмыслению.

До тех пор, пока наука находилась на периферии социальной и духовной жизни человеческого общества, пока какой-нибудь чуждак профессор ходил в своем потертом сюртуке, что-то там исследовал, и до него, в сущности, никому не было дела, вопрос о подлинности научного миропонимания не был столь важен: пусть каждый занимается чем хочет... Нельзя сказать, что неподлинное, раздвоенное на субъект и объект, состояние сознания является изобретением Новейшего времени — оно существовало всегда. И аскетическая практика почти всех существующих религий предлагает самые разнообразные пути восстановления целостности сознания (вспомним, хотя бы, неожиданные приемы и удары палкой дзэнских наставников), которые получили свое универсальное, космическое завершение в искуплении на Голгофе Предвечным Сыном Божиим первородного человеческого греха познания... Но с тех пор, как ученый стал играть главную роль в осуществлении "научно-технической революции", с тех пор, как интеллигенция вытеснила аристократию, а наука — религию практически из всех сфер духовной жизни современного общества, мы не только вынуждены пожирать плоды их деятельности, но имеем возможность "узнать" их по этим плодам. Не стоит говорить об экологии, современном вооружении и прочих порядком надоевших "последствиях научно-технического прогресса". Есть другие, куда более существенные, хотя и менее бросающиеся в глаза последствия этого "прогресса". Прежде всего, изменение ритма жизни. Причем я имею в виду не темп или пресловутую спешку современной жизни, а ритм как музыкальную мистическую основу бытия, тот ритм, который, очевидно, имел в виду Новалис, когда определял гениальность как "чувство ритма". Каждому, наверное, приходилось замечать, как какая-то едва уловимая музыка речи, движения рук, жесты какого-нибудь "древнего" старика, жившего еще в России, говорят об утраченном бытии гораздо больше, чем способны сказать его память и понимание прошлого. Поэтому, может быть, поэт, не особенно утруждающий себя "серьезными занятиями", часто оказывается способен сказать о своем времени больше, чем самый глубокий философ или историк...

Крестьянин, обрабатывающий землю старым дедовским способом, жил в единстве с природой и кормящей его землей, своей

жизнью свидетельствуя о вечности и неизблемости истин надеяния и смирения. Более того, его тяжелый каждодневный труд как бы наполнял "кровью бытия" эти духовные истины, не давая им превратиться в отвлеченные философские или богословские абстракции. Я совершенно убежден, что современному человеку уже не постичь мистику з е р н а или в и н а так, как на это способны были в древности, поэтому Библия остается для него книгой темной и непонятной, во всяком случае, неактуальной. Меня всегда поражала та естественность, с которой Христос обратился к простым рыбакам, и те оставили свой промысел, чтобы заняться промыслом Божиим... Так же, как меня поражает и то, что это место в Новом Завете совершенно обойдено вниманием в христианской философии, тогда как этот неординарный факт своеобразного коллективного сатори мог бы стать темой многих дзэнских трактатов.

Весь архаичный уклад жизни органично переходил от более низких к более высоким формам жизни, естественно завершаясь в храмовом действе, литургии, где человеческая жизнь, самый тяжелый физический труд получали свое просветление и завершение в созвучном ритме церковных служб. Теперь это уже трудно понять, но люди относились к жизни серьезно, ибо в центре мира были Страдания Сына Божьего, а не чья-то "гениальная" мысль. Теперь человеку гораздо труднее прийти в Храм, хотя бы потому, что он живет в отчужденном от Бога модернизированном мире. Современный интеллигент считает возможным поглядывать свысока (тайно или явно) на темного, "непросвещенного" крестьянина или грузчика, не замечая того, что эти люди заняты чем-то гораздо более вечным, чем он, о чем свидетельствуют хотя бы их лица, отмеченные "печатью Вечности" и все еще напоминающие старинные портреты (в том числе, и аристократов), чего никак не скажешь об "умных" лицах современной интеллигенции. Ратуя за сохранение "великой культуры прошлого", интеллигенция не замечает, что единственным носителем ее подлинного духа в современном мире остается презираемый или "просвещаемый" ею народ. Впрочем, так же свысока (очевидно, с высоты достижений прогресса) эти люди глядят и в "темное" прошлое, до которого они нисходят даже тогда, когда его защищают... Модернизация труда мотивируется учеными или примитивно прагматически или гуманистически как желание облегчить жизнь ближнему. Однако по существу это попытка ученого

подогнать все, что как-то в мистическом смысле, музыкально, ритмически от него отличается, под свое расслабленное, облегченное в силу своей отчужденности от собственной жизни, существование... попытка создать некую "новую гармонию", прообраз которой и являет собой современная научно-техническая цивилизация. Но любой труд, в том числе и физический, это еще и ритуал, поэтому научно-техническая модернизация труда представляет собой довольно грубое посягательство на самые глубокие духовные основы бытия, все последствия которого трудно предсказать...

Не только рабочий или крестьянин, но даже отторгнутый от общества бомж или алкоголик сохраняют в себе то, что, наверное, навсегда утрачено "культурными" людьми. Их внутренней свободе и неотмирности можно только позавидовать. И пусть они никогда не читают книг, не говорят о Боге, пусть их опыт только "отрицательный", но ни один самый сознательный аскет не мог бы с уверенностью сказать, что всегда и во всем он был обязан только себе, к тому же подобные "положительные" примеры мы встречаем очень редко, особенно в наше время. Как бы ни был образован и эрудирован современный интеллигент, в его лице, как правило, слишком много "человеческого", ибо цели, которые он перед собой ставит, слишком легко достижимы, и его "облегченное" бытие, может быть, по-своему благополучно, но не внушает доверия. Тогда как "печать Вечности" на лицах далеких от культуры людей свидетельствует, скорее, о том, что им очень редко что-нибудь удавалось в этой жизни, но зато видно, как над ними "поработал" Бог. Ибо истинный Путь, Путь надеяния, в конечном счете, совпадает с путем самой глубокой и абсолютной человеческой неудачи. ("Следовательно Дао — значит ничего не выбирать.")... И конечно, лучше иметь дело с людьми, не читающими книг, но своим видом напоминающими древних философов и поэтов, чем с теми, кто ратует за переиздание старых книг, но своим существованием отрицает их содержание. Так же, как и Музею в Храме, посещаемому "интеллигентными людьми", я предпочел бы Храм где-нибудь в Крестах, ибо только тогда произошедшая, и неизбежная во все времена, "варваризация" культуры получила бы свое культовое, а следовательно, и культурное, осмысление...

"Совершенно-мудрый учится у не имеющих знаний". Аристокра-

тическое общество так или иначе всегда основывалось на этом принципе соподчинения высшего низшему, поэтому, несмотря на все свои социальные противоречия и контрасты, оно все-таки представляло собой гармоническое единство духовной части нации-аристократии и его "плоти"-народа, в основе которого лежало глубокое мистическое единство ритма: жизненного ("телесного") и музыкального (духовного)... Современное же общество, зараженное отчужденным научным знанием, является, по существу, обществом глубоко дисгармоничным, которому для "полноты звучания" явно не хватает видимых контрастов и противоречий, постоянно сглаживаемых пресловутой "интеллигентской вежливостью". Но сама эта "вежливость" есть всего лишь следствие постоянного ускользания субъекта власти, ибо сам интеллигент — это уже не просто человек, а "человек идеи", которой и он сам служит. Ориентированность научного сознания на мир как отчужденный объект познания порождает абсолютно новый социальный тип человека: "человека рассуждающего". Интеллигент постоянно рассуждает обо всем, но сам все время оказывается как бы "глупее" собственных рассуждений, теорий и идей, и в этом его основное отличие от аристократа или "простого" человека, которые говорят в меру своей жизни. "Я есть Путь и Истина", — вот формула абсолютного духовного аристократизма... В сущности, современный человек по-прежнему живет семьей, детьми, карьерой, мелкими и крупными радостями и огорчениями, но параллельно он почему-то считает возможным заниматься сопроматом, плазмой, кровообращением и прочими неудобоворимыми вещами. Рассуждая о них, он порождает множество "не пережитых", "не выстраданных" теорий и идей, которые, будучи запущены в социальный обиход, возвращаются в виде всевозможных социальных институтов и учреждений, неся дисгармонию, "скрежет" и страдание тем, кто пытается их "пережить" и понять или вынужден это делать, страдание тем более глубокое, что его источник практически невозможно осознать...

Но безответственное, расслабленное интеллигентское бытие имеет не только трагические последствия. То и дело мы наталкиваемся на многочисленные "комические" свидетельства абсолютной духовной деградации и вырождения современного человека в сравнении с древним, утрачивающего в своих отвлеченных рассуждениях самое элементарное чувство реальности. Декларация воз-

возможности "устранения разницы между умственным и физическим трудом" находится в каком-то почти анекдотическом противоречии со словами Лао Цзи о том, что "управление государством подобно приготовлению блюда из мелкой рыбы", так же, впрочем, как и предположение, что "коммунизм наступит тогда, когда каждая кухарка научится управлять государством", которое, прежде всего, свидетельствует о неимоверном интеллигентском самомнении его автора, считающего, что обыкновенной кухарке потребуется много и много десятков лет, чтобы постичь то, что знает он...

Свеча по всем своим прагматическим параметрам уступает электрической лампе: она горит неярко, свет ее колеблется, ее так легко задуть... Но как горит свеча, так проходит человеческая жизнь. Ибо это не просто предмет обихода, это нечто гораздо большее, это символ. А современный технократический мир, несмотря на все свои видимые удобства, становится страшно не — с и м в о л и ч н ы м, отчужденным от человека. Взгляд в о в н е уже не возвращает человека в с е б я: ничто ни о чем не напоминает...

Вечный символ человеческой жизни — корабль. Уходя в море под парусом, человек не утрачивал свою связь с Природой и Богом, в ожидании ветра или в предчувствии бури он молился, каялся в грехах, очищался... т.е. не только продвигался во внешнем мире, но и изменялся внутренне. Теперь же появился мотор и все зависит не столько от Бога, сколько от того, кто может "закрыть" или "открыть" визу. Продвижение во внешнем мире уже совсем не обязательно предполагает духовное продвижение и очищение. Социальные, общественные структуры все больше и больше отчуждаются от человека. В современном, подчиненном человеку, а не Богу, свободном и расслабленном мире продвижение по социальной лестнице вверх не только не предполагает соответствующего духовного восхождения, а часто совсем противоположное. С успехом преодолевая все трудности, ужасы и страдания, с которыми он раньше сталкивался, современный человек все больше погружается в кошмар отчужденного бытия.

Само слово "отчуждение" вроде бы марксистского происхождения. Однако, как это ни парадоксально, вряд ли теперь найдется более отчужденное от человека общество, чем социалистическое. Ибо, несмотря на "успехи" научно-технической революции во всем

мире, больше не существует общества, где вера в прогресс и человеческий разум носила бы столь безоговорочный и наивный характер. Даже успехи Америки в технической области и сама ее буржуазность вызывают у современного советского человека зависть и преклонение, а то, что Америка все-таки христианская страна и ее президент может всерьез рассуждать о Конце Света, или совсем забывается, или подвергается недоуменным насмешкам...

Представим себе, что было бы, если бы, например, передвижников стали объединять с художниками "Мира искусства" только по внешним обективированным признакам: одни рисуют пейзажи, другие — портреты... Однако именно такая обективированная, отчужденная категоризация вторгается в духовный мир современного советского человека. Журналы, книги, газеты, театры, учреждения подразделяются по возрастным, профессиональным, территориальным и т.п. "обективным" признакам. Сейчас нельзя даже себе представить возможность существования издательства подобного русскому "Пути". Философией должен заниматься специалист по философии и печататься он должен в "Вопросах философии"... Никакой мистики, одна голая логика! Более того, своеобразная "мистика" наукообразного панлогизма: логично мыслящая интеллигенция и обрабатывающий симметричные ровные детали пролетариат оказались особенно восприимчивыми к комплексу марксистско-гегелевских идей...

Реальность социалистического общества свидетельствует, что отчуждение является не столько следствием капиталистического производства, сколько следствием и порождением отчужденного, неподлинного сознания идеологов и вождей этого общества. В конце концов, при капитализме даже отношения между эксплуататором и эксплуатируемым были куда более личностными и куда менее отчужденными, чем в обществе, где окончательно обожествляются пустые отвлеченные понятия "государства", "народа", "прогресса"...

Музей стал символом современной культуры. Даже город, в котором теперь живет человек — уже не просто город, а что-то вроде города-музея. Ориентированность современного человека на отчужденный от собственной жизни мир, смещение на мир объектов центра бытия приводит к резкому понижению качества духовной жизни. И современная архитектура — одно из ярчайших

символических выражений этой духовной деградации. Это архитектура уже не просто иная по сравнению с той, что была, например, в России, в некотором смысле, это уже вообще не архитектура, ибо являет собой воплотившийся в камне хаос не осознающего себя, расслабленного сознания современного человека. Но для того, чтобы человеку вернуться из города-музея в свой родной город, вместо того, чтобы с восторгом изучать и созерцать "памятники прошлого", ему нужно осознать самого себя, ужаснуться на самого себя, "схватиться за голову" и посмотреть хотя бы на типовые дома-коробки, в которых он живет, и которые продолжает строить, несмотря на все свое "восхищение" тем, что было раньше. И путь к этому осознанию один — покаяние перед Лицом Божиим. Но тогда научное, по преимуществу, сознание современного человека перестало бы быть научным и снова стало религиозным...

(Продолжение следует)